

Игорь Белошевский

Поганая Молодежь (часть #1)

Чтобы красиво танцевать,
нужно красиво одеваться

Игорь Белошевский

**Поганая Молодежь (часть #1).
Чтобы красиво танцевать,
нужно красиво одеваться**

«Издательские решения»

Белошевский И.

Поганая Молодежь (часть #1). Чтобы красиво танцевать, нужно красиво одеваться / И. Белошевский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908116-2

Гога, Киля и Медведь — ребята из пригорода Калининграда, становление которых происходит в конце 90-х, начале «нулевых» годов. Детские игры мальчишек переросли в криминальные, в перевозку контрабанды, угоны машин, ограбления и нелегальную добычу янтаря. В эпоху жизни без морали друзьям самим предстоит разобраться в том, что такое хорошо, а что плохо. Узнать, что значит настоящая дружба, любовь и предательство.

ISBN 978-5-44-908116-2

© Белошевский И.
© Издательские решения

Содержание

1. ЛЮБОПЫТСТВО	6
2. РОКИРОВКА СИЛ	8
3. КИЛИН ПАРКУР	10
4. ОПЕРАЦИЯ «ТОТАЛИЗАТОР»	16
5. ПОДВИГ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Поганая Молодежь (часть #1) Чтобы красиво танцевать, нужно красиво одеваться

Игорь Белошевский

© Игорь Белошевский, 2019

ISBN 978-5-4490-8116-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. ЛЮБОПЫТСТВО

Мутный свет от фар автомобиля, давал такой обзор пространства, какой только и может открыться ребенку из-под картонного козырька шапки «буденовки», связанной по бесплатному приложению к журналу «Работница» за тысяча девятьсот восемьдесят пятый год.

На белом снегу, недалеко от автомобиля с тарахтящим дизельным двигателем, можно было без труда распознать несколько свежевыврытых прямоугольных ям. Перед этими ямами стояли гробы обитые красным сукном. Возле гробов, на морозе, толпились крепкие мужские силуэты в коротких темных дубленках и меховых кожанках.

Среди собравшихся был один человек, выглядящий на общем фоне, как-то по особому. Он был одет в широкие черные одеяния с длинными, ниже ладоней, широкими рукавами, а на его голове, домиком восседала малюсенькая шапочка. Этот человек, размахивая дымящимся кадиллом на длинных цепях, то скрывался в темноту, то снова маятником возвращался из нее обратно.

Когда гробы на веревках, один за одним, опустили в ямы, мужские силуэты стали пересекать зону света, и затем, растворяться в темноте, добавляя в ровную симфонию тарахтящего автомобиля, новый звук, звук мерзлого грунта, разбивающегося о деревянную крышку гроба.

После того, когда все тени окончательно перекочевали в темноту, гробовщики, лопатами, принялись неспешно засыпать могилы.

– Ну, что, братва, помянем, – прогремел своим басом в темноте чей-то хриплый голос.

Затем послышался звук открывающегося багажника машины. Салон джипа, припаркованного возле дороги, озарился неярким желтым светом. После недолгой паузы из все той же темноты донесся еще один хриплый голос:

– А я Сахиба по спорту запомнил, – сказал собеседник и подошел к джипу, – Вместе тренировались одно время. В 90-м он приехал из Литвы, искал под кого встать, чтобы бизнесом заняться. Увидел, что настоящего лидера в городе нет, ну и начал сам крутить, потом вот, с Крюком связался.

– Саранча – тоже толковый был, – произнес другой голос.

– Но и как все мы, не без недостатков, – сказал еще кто-то из все той же темноты, – Вместе на «семере» с ним одно время чалились, там и сошлись ближе. Жаль терять таких людей.

После этих слов я оглянулся, и встревоженно посмотрел в ту сторону из которой доносились голоса бандитов, но вместо того, чтобы отправиться дальше вниз по кладбищенской дороге, прочь от этих похорон, я подошел к краю одной из могил, и облокотившись на свои алюминиевые санки, заглянул в яму. Из-за моей спины по-прежнему доносились голоса:

– Характер у Сахиба всегда был будь здоров, а вот мозги не очень хорошо варили, – продолжил свой рассказ кто-то из бандитов, – Спортсмен ты, или нет, неважно. Как ты не окрашивайся, хочешь жить круто, надо и жизнью круто рисковать. Я так это еще после первого срока понял. Взял «ствол» – и гоняй, хоть кого, хоть борцов, хоть боксеров. Раньше, когда со «стволом» еще никто не работал, так брали с собой на разборки по двадцать человек, а я бывало прямо с бабой своей приезжал, молодые были, всё до балды. Расстегну куртку, руку положу на «Макар», восемь патронов в обойме, один в стволе, палец на спусковом курке. Демонстративно железкой щёлкну, и все. Вот так-то...

В воздухе повисла пауза, затем кто-то из бандитов, голосом незамысловатого философа недоучки, опять вступил в разговор:

– Жалко пацанов. Такие как мы к спокойной жизни не приспособлены. Мы – хищники. А вокруг – копытные, но и хищникам иногда...

Возможно, что таинственный философ поведал бы этому миру еще какую-нибудь интересную мысль, но его речь была оборвана звонким детским криком:

– В сторону!!! Расступись!!! – проорал мальчик.

Я обернулся и увидел, как через прожекторы света от автомобильных фар, по дороге промелькнул, несущийся сидя в санках, силуэт ребенка.

– Берегись!!! Зашибу!!! – орал во всю мочь мальчик, пытаясь совладать с управлением своих салазок.

В ту же секунду, я почувствовал, как на моей спине в кулак сомкнулись пальцы чьей-то огромной руки. Рука взяла меня сзади за воротник пальто, с аккуратно нашитым на кармане дермантиновым грибом, выполнявшим роль заплатки, и резко оторвала от земли.

Еще через секунду, этот таинственный «кто-то», вращал меня в воздухе, прямо вместе с зажатыми в моих руках санками, пытаясь рассмотреть, словно я был какой-то пиджак на вешалке.

От охватившего меня страха, и от слепящего света автомобильных фар, мои детские ручонки ослабли, земное притяжение победило, а алюминиевые санки выскользнули из ладоней и воткнувшись в снег своими острыми полозьями.

2. РОКИРОВКА СИЛ

Своего друга – Колю Азарнова, непосредственного участника всех событий изложенных и выше, и ниже, дальше я буду называть по его детскому прозвищу – Медведь. Так будет проще и для самого повествования, и для меня лично.

В школьные годы, прозвище – Медведь, очень емко и точно характеризовало своего обладателя, за исключением лишь одного небольшого, но существенного нюанса. В дикой природе, медведь – свирепое и опасное животное, а Коля Азарнов, напротив, всегда производил на окружающих обратное впечатление. Одного взгляда, на широкое, вечно улыбающееся лицо Николая, всегда было достаточно, чтобы разгадать все его намерения и замыслы на месяц вперед, а может быть, даже и дальше.

Прозвище Медведь, Коля получил скорее из-за своего огромного роста и богатырского телосложения, нежели характера. Внушительные физические параметры мальчика, делали его немного неуклюжим, и всегда выделяли на фоне остальной, неспелой грозди моих одноклассников.

Если природа что-то дает человеку, то, что-то, она и не до даёт. К третьему классу нашей поселковой школы, Медведь, уже два раза умудрился остаться на второй год, чего он очень стыдился, и при любом возможном случае, всегда пытался скрыть этот общеизвестный факт своей биографии. Таков был Медведь.

Я, наоборот, рос чахлым интеллигентным заморышем, воспитываемым книгами из местной библиотеки и бабушкой Раисой Никифоровной. Своих родителей я никогда не видел. Воспоминаниями о них, мне служили две пожелтевших фотографии, что стояли в доме на серванте.

На одной из этих фотографий была запечатлена улыбающаяся девушка в стройотрядовской куртке песочного цвета и черных кирзовых сапогах. Девушку обнимал статный мужчина в тельняшке. В зубах у мужчины была зажата папироса «Беломорканал», а в углу фотографии, красовалась надпись: «На память о картошке. 1985 год. НИИ ОХИЗ. г. Ленинград.»

На второй фотографии, был запечатлен кричащий младенец – я, который, судя по похлестности надписей в углу: «г. Ленинград. 1985 год., Роддом №7.», – тоже, остался на память о «картошке», после которой, мои родители отправились строить коммунизм на другую комсомольскую стройку, напрочь позабыв о моем существовании.

Все свое обучение, в средней образовательной школе имени «Наталии Орейры», мне почему-то всегда вспоминается, как что-то очень уютное и в тоже время удивительно серое. Школьные будни всегда были похожи один на другой, и, из года в год, тянулись неизменно медленно, беспощадно уничтожая отрывной календарь детства.

В один из таких ничем не примечательных унылых серых дней, наш классный руководитель – Зоя Семеновна Трубецкая, по обыкновению сидела за своим учительским столом и оглашала оценки за контрольные работы по математике.

– Гогинцев пять, молодец, – произнесла Зоя Семеновна, и затем, немного погодя, добавила, – Впрочем, как обычно.

Зоя Семеновна положила в сторону мою работу, взяла в руки следующую контрольную.

– Килин, – протяжно произнесла учительница, разглядывая писанину ученика, – Вижу, что-то решал, точнее пытался решать, в этот раз... Ладно, Артем, поставлю тебе тройку для разнообразия, авансом, так сказать.

После этих слов педагога, довольный Артем Килин, которого для более привычного повествования, в дальнейшем, я буду называть по его школьному прозвищу – Киля, поднял руки к потолку, и принялся бессловно ликовать, подобно футболисту, забившему гол в ворота соперника.

В отличие от меня, Киля, совсем не был ребенком голодной судьбы. Папа «стармех» на рыбацком судне БМРТ, мама – работник местной администрации. В благополучной жизни Кили всегда и всего хватало настолько, что мальчик, еще в школе, стал постоянцем детской комнаты, совсем не детской милиции. Реальных причин своего поведения думаю не знал и сам ребенок, просто было что-то в его характере такое, дерзкое, что не давало покоя ни ему, ни школьному завучу Зарецкой, ни местному участковому милиционеру.

Зоя Семеновна взяла в свои руки очередную контрольную работу:

– Азарнов! – громко произнесла Зоя Семеновна.

Ученик Медведь, которому принадлежал данный математический труд, сразу встрепнулся, как будто к его стулу вдруг подали разряд электричества. Зоя Семеновна, от листка с контрольной, недовольно перевела свой взгляд на нерадивого ученика и сказала:

– Ну, тут у нас твердая двойка, – сказала Зоя Семеновна.

Медведь молча встал из-за парты и виновато воткнулся своим взглядом в пол, а учительница продолжила:

– Третья двойка Коля, третья. Как тебе только не стыдно, Азарнов, маму твою жалко, все ходит к нам в школу и ходит, за тебя на педсоветах все просит и просит, чтобы перевели тебя лоботряса в следующий класс, а ты... Эх ты... Что же мне с тобой делать? – задумчиво произнесла Зоя Семеновна.

Медведь виновато пожал своими громадными плечами и продолжил рассматривать крашенный пол класса. В воздухе повисла пауза. Зоя Семеновна на минуту ушла в себя, а затем, вдруг, произнесла:

– А давай, мы к тебе Гогинцева пересадим, – неожиданно сказала Зоя Семеновна, – Он у нас отличник, пусть и поможет товарищу.

По хитроумному плану Зои Семеновны, моя пересадка к отстающему сразу по всем предметам ученику, должна была каким-то положительным образом сказаться на его успеваемости, но забегаая вперед, отмечу, что время показало совсем обратные результаты.

С Медведем мы сдружились моментально, и уже, на том же уроке, вместе были выставлены из класса в коридор, где по другому замыслу педагога, должны были быть схвачены завучем Зарецкой, дежурившей в этот день по школе. Причиной нашего выдворения из класса стал ученик Киля, который забавно иллюстрировал своим вольным сурдопереводом, Зою Семеновну, объяснявшую классу новую тему урока.

Сидя в коридоре на подоконнике, Медведь достал из своего кармана продолговатую лазерную указку, похожую на пулю, и направил ее в темный угол лестничного пролета. В стену ударил яркий красный огонек, похожий на снайперский прицел.

– Видел такую у кого? – сказал Медведь и протянул мне в руки это чудо техники.

Лазер был изрядно потертый, но довольно редкий, и может быть даже привезенный из морского рейса, чьим-нибудь заботливым папой. Я покрутил указку в своих руках, затем направил ее в даль коридора и нажал на маленькую кнопку, расположившуюся сбоку на торце изделия. На противоположной от меня стене зажглась яркая красная точка.

– Крутая вещица? – спросил у меня Медведь.

Я кивнул ему в ответ головой, продолжая двигать красную точку лазера по стене.

– На сколько метров луч бьет? – деловито спросил я у Медведя.

– Восемьсот, – также деловито ответил тот.

– Круто, – сказал я.

– Бери себе, дарю, – произнес Медведь и этим широким жестом окончательно укрепил начало нашей большой дружбы.

3. КИЛИН ПАРКУР

Девочки взрослеют гораздо быстрее мальчиков, это знает каждый. Но не каждый знает, что природа с раннего детства награждает будущих мужчин особой чертой, зреющей где-то в самых глубоких глубинах их мальчишеских душ.

Учительница физики – Тамара Викторовна Храмина, открыла окно в классе, и весенний ветер поднял в воздух длинные рыжие кудри Леры Скворцовой, сидящей прямо за первой партой. Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд с последней парты, особенным жестом руки, Лера кокетливо поправила прическу и улыбнулась.

В каждой школе есть учителя-легенды, а есть учителя о которых слагают легенды. Педагогу Тамаре Викторовне Храминой повезло и в том, и в другом случае. Тамара Викторовна считалась сильным физиком и славилась своей принципиальностью и дерзкими приемами преподавания предмета. В школе, за исключительную харизму, Тамару Викторовну называли не иначе как – Апача, в честь свирепого индейского племени. На свой творческий псевдоним, Апача, не обижалась, а даже наоборот, гордилась им, и считала, что именно он, выделяет ее среди серой массы других учителей.

«Джордано Бруно не раз повторял», – произнесла Тамара Викторовна в тот самый момент, когда девочка Лиза, сидящая рядом с Лерой, бросила мне скомканную записку, но вместо адресата, послание угодило в голову Киле, и упало на пол. Килия вопросительно посмотрел на Лизу. Та, жестом дала понять, что письмо адресовано не ему, а мне, и скомканный листок тут же был переправлен уже в мою голову, отразившись от которой, также неудачно притаился между рядами парт.

Где-то в это же время, на другом конце школы, в сине-зелёном мундире с черными пуговицами, по лестнице, такого же черного, как и пуговицы, хода, что обязателен для каждой из школ, шел инспектор пожарной охраны – Павел Егорович Кривоцветов, появившийся сегодня здесь не случайно, а после того, как директор школы – Константин Петрович, позвонил маме ученика Кили – Ольге Петровне, грациозному работнику городской администрации, выбравшей сегодня из всего спектра женских духов мира, аромат-антидепрессант – «Premier Figuier», который несмотря на богатый, свежий и одновременно согревающий букет запаха, настроения собравшимся почему-то не добавлял.

– Ольга Петровна, я все понимаю, понимаю, что трудный подросток, что переходный возраст, но поймите и вы меня, – говорил тучный Константин Петрович, который семенящими шагами старался успеть за длинноногой комиссией.

Ольга Петровна и Константин Петрович остановились на лестничной площадке, а пожарный продолжил свое восхождение дальше вверх по ступенькам.

– Мальчик уже стоит на учете в детской комнате милиции, инспектором он был направлен в спецшколу, а мы образовательное учреждение, а не колония, в конце концов поймите, мы дорожим своей репутацией, – после этих слов Константин Петрович, как бы извиняясь, развел руками.

Дойдя до вершины, ведущей на чердак, и не обнаружив ни единого нарушения, пожарник Павел Егорович глубоко вздохнул, затем похлопал себя ладонями рук по внутренним и внешним карманам мундира в поиске начатой пачки сигарет, и обнаружил оную в кармане брюк.

– Что там? Павел Егорович?! – спросила Ольга Петровна, пытаясь высмотреть, выпавшего из поля зрения, инспектора пожарной охраны.

Павел Егорович сделал несколько глубоких затяжек и выдохнул в атмосферу сигаретный дым.

– Нарушение, огнетушителя нет, и накурено, – строго сказал Павел Егорович, затем свесился через перила лестницы, чтобы показать Константину Петровичу якобы найденный окурок, который секундой ранее, еще был, затушенной о стену сигаретой.

Ольга Петровна довольно посмотрела на директора и произнесла:

– Я вас понимаю, Константин Петрович, и тоже прошу войти в мое непростое положение. Вы нам, кстати, еще компьютерный класс не показали, – тихо сказала Ольга Петровна, и затем уже громко, обратилась к пожарнику, – Спускайтесь, Павел Егорович, Константин Петрович нам еще компьютерный класс хочет показать.

Педагог Апача произносила свою речь перед учениками с наслаждением, а местами даже и упоением. Она расхаживала перед открытым окном класса так, что ее и без того, поднятая химзавивкой прическа, постоянно попадала под потоки весеннего ветра, и становилась еще больше похожей на индейский ирокез.

– Пусть эта поверхность будет какой угодно, – говорила Апача, – Но я всегда спрашиваю, что находится за ней?

Завершая свой пассаж классу, учительница оборвала речь практически на излете, и перевела свой взор от конспекта, в который заглядывала во время произнесения монолога, на ученика Килю:

– Артем, а тебя я вижу вопрос который так терзал Джордано Бруно совсем не беспокоит? – произнесла Апача, – Сюда неси, что ты там в Гогинцева бросил.

Киля поднял с пола скомканную записку Лизы и направился к учителю.

– Бесконечно пространство или нет? Является ли оно просто соотношением между материальными телами или существует независимо от них, само по себе? Вот вопросы, которые всегда ставились относительно такой сущности именуемой как «пространство», – сказала Апача, – Ньютон писал...

Киля подошел к учителю, положил скомканную записку на ее стол и уже хотел отправиться обратно к себе за парту, но Апача его остановила:

– А вот, что писал Ньютон, ответит нам Артем Килин.

– Это новая тема, – пробурчал себе под нос Киля.

– Вот, ты и расскажи ее нам, на основании уже пройденного и изученного тобой материала. Своими словами. Поставь себя на место Ньютона, представь, что ты – это он, – предложила Киле Тамара Викторовна, и класс в ту же секунду разразился смехом. Расхохоталась и Скворцова Лера, а Киля наоборот, насупился, и стал смущенно рассматривать крашенный пол класса у себя под ногами. Киля не знал домашнего задания, ни того, что задавали вчера, ни того, что задавали на той неделе, а знал он только одно, знал он, что на его памяти, от Апачи, просто так, еще никто не уходил.

– Читай, – Апача протянула приговоренному к расправе ученику свой потрепанный временем конспект с выцветшей зеленой обложкой.

Киля стал читать:

– По положениям и расстояниям предметов от какого-либо тела...

– Громче Килин, что ты там мямлишь себе под нос, – рявкнула на ученика педагог.

– Я не могу громче, я после болезни, – пытался оправдаться Киля, и даже для достоверности своего вранья, слабо кашлянул в высокое горло шерстяного свитера.

Оправдание засчитано не было.

– Килин, не шути со мной, – пригрозила учительница, и затем снова приказала, – Читай!

Киля читал:

– Ньютон писал. По положениям и расстояниям предметов от какого-либо тела, принимаемого за неподвижное, определяем места вообще, затем и о всех движениях судим по отношению к этим местам. Таким образом, вместо абсолютных мест и движений пользуются относительными, в делах житейских это не представляет неудобства.

- Все ясно? – спросила Апача, – Килин?!
- Да, – неуверенно произнес Киля.
- Что тебе ясно? – переспросила учительница.

Киля кашлянул еще раз, повторно намекая Апаче на свой недуг, и затем тихо предположил:

- Ньютон считал, что в делах житейских это не представляет неудобства.
- Что не представляет неудобства? – серьезным тоном спросила Апача.
- Все, – робко ответил Киля.
- Это как?! – переспросила Апача.

Киля замолчал, житейские дела Ньютона ему знакомы, естественно, не были.

– В этом утверждении Ньютона, – произнесла Апача, – Есть некая неопределенность, которую признавал и сам великий ученый, и которая впоследствии положит начало теории относительности Эйнштейна.

После упоминания великого немецкого ученого, Апача остановилась у окна, попав своей химзавивкой под порыв весеннего ветра, хлынувшего волной в класс.

– Ох, Ольга Петровна, – обреченно вздохнул директор школы, – Дорогой вы мой человек. Как же вас не понять. Я вообще, искренне не понимаю, откуда у вашего Артема такое поведение. Такая замечательная мама, всеми уважаемый папа, и вдруг, направление из милиции в спецшколу.

– А огнетушителя и здесь нет, – громко повторил, проходя мимо директора пожарник Павел Егорович, сделав показательную пометку в своем журнале ярко оранжевого цвета.

Директор Константин Петрович бросил косой взгляд на огненный журнал инспектора и понимающе продолжил:

– Но все мы люди, – сказал директор, – Как же мне не войти в ваше непростое положение, Ольга Петровна. В конце концов, я тоже отец.

После этих теплых слов Ольга Петровна по-дружески приобняла Константина Петровича, и осмотрев пространство вокруг, произнесла:

– Идемте, идемте Константин Петрович, какие все-таки замечательные у вас в школе рекреации.

Лера встань пожалуйста из-за парты, – обратилась педагог Апача к Скворцовой Лере.

Лера встала.

– Итак, – сказала Апача, – Представим, что первый закон Ньютона, справедлив с позиции наблюдения Леры. Килин, что гласит первый закон?

Поверженный Киля молчал. Он совсем уже перестал отвечать на вопросы учителя, и смирившись со своей участью, просто разглядывал, то темный пол класса, то свои светлые кроссовки, то рогатого оленя на свитере Леры Скворцовой.

– Скворцова, что гласит первый закон Ньютона? – обратилась Апача к Лере.

– Первый закон гласит, – сказала Лера, – Если действие всех сил, действующих на тело, скомпенсировано, то это тело находится в состоянии покоя, или прямолинейного равномерного движения.

– Допустим Скворцова, что так оно и есть, – произнесла Апача, – Допустим, что ты, Килин, тело, которое двигается. Двигайся Килин.

– Как двигаться? – раздраженно переспросил Киля.

– Прямолинейно и равномерно, – пояснила Апача нерадивому ученику, – Иди прямо, вдоль доски. Ну же, смелее!!!

Киля начал двигаться, а учительница снова продолжила:

– Легко видеть, что если существует такая площадка для наблюдения, как Скворцова, то существует еще и бесчисленное множество других, аналогичных площадок. Это может быть и Иванова, и Петров, и Хаджимуратова, а может быть, даже и Гогинцев.

Все названные фамилии, включая мою, подобно нажатым клавишам рояля, поочередно вжались в парты. Тамара Викторовна, довольная взятым аккордом, продолжила:

– Для удобства, назовем Леру – «неподвижным центром мира». Представим, что этот наш «центр», будет покоится. Все представили? Гогинцев представил?

– Да, – ответил я и без промедления встал из-за парты.

– Как ты думаешь, с точки зрения ньютоновской динамики, Скворцова, будучи центром мира, может двигаться?

– Может, – четко ответил я.

– Почему ты так думаешь? – спросила учительница.

– Почему нет, – сказал я.

– У тебя хорошая интуиция, Гогинцев. С точки зрения ньютоновской системы, абсолютно безразлично, находится Лера в состоянии покоя или движется прямолинейно и равномерно, как например, Килин. Для системы – это одно и то же.

– Двигаться? – спросила Лера, предугадывая учительское задание.

– Нет Лера, стой на месте, – сказала Апача, – А вот Гогинцев, пусть двигается. Начинай Гогинцев!

Я вытянул руки в стороны и начал идти вдоль стены подобно канатоходцу. Лера взглянула на меня и улыбнулась. Увидев подаренную мне улыбку, низкорослый Киля, вдруг, остановился, точнее даже встал возле доски, как вкопанный.

– Килин, а ты чего застыл? – взбодрила Килю учительница, – Двигаемся, двигаемся.

Киля, подобно компактному штурмовику-перехватчику, заходящему снизу для атаки высоколетящего бомбардировщика, то есть меня, продолжил свое перемещение вдоль доски, и затем сместил вектор движения в мою сторону.

– С помощью элементарных операций сложения или вычитания, нетрудно доказать, – сказала Апача, – Что тело, то есть Килин,двигающееся относительно центра мира, то есть Скворцовой, будет равномерно перемещаться и относительно другой площадки, то есть Гогинцева, но...

Апача подняла указательный палец к потолку и затем, после психологической паузы, целью которой было подогреть интерес класса к происходящему, продолжила:

– И с точки зрения Гогинцева, все законы динамики Ньютона будут тоже справедливы. Другими словами, абсолютно невозможно определить кто здесь движется, а кто покоится, и где вообще находится этот наш центр мира. Центр мира нельзя установить в рамках системы Ньютона, его можно только постулировать, то есть, мы с вами, можем договориться, что Скворцова покоится, а Килин и Гогинцев движутся относительно нее, или Килин покоится, стой Килин, а Скворцова и Гогинцев движутся.

Киля замер в шаге от меня, так и не достигнув своей цели, а я ухмыльнулся и спикировал в обратном направлении.

– И Азарнов движется, – обратилась Апача к мирно спящему на последней парте Медведю.

Медведь поднял свою голову с парты и окинул взглядом происходящее.

– Азарнов, не спи! – громогласно рявкнула Апача, – Встать из-за парты, когда учитель к тебе обращается.

– Почему сразу я? – возмутился Медведь, но послушно встал из-за парты, потирая заспанное лицо.

– Иди на первый этаж за мелом, – строго произнесла Апача, – Разбуди себя для великих дел.

Выйдя из класса Медведь увидел в конце коридора сутулую директорскую спину, окруженную комиссией из двух человек.

Посетив компьютерный класс, на переоборудование которого местная администрация все никак не спешила выделять деньги, пожарная инспекция подошла к доске со школьным расписанием и остановилась.

– Спасибо вам большое, Ольга Петровна, как всегда нас спасаете, – добродушно произнес директор школы.

– Ну, Константин Петрович, пустое, мелочи жизни, – не менее добродушно ответила директору работник городской администрации Ольга Петровна.

– Ну, как же мелочи, Ольга Петровна, святой вы наш человек, – продолжил свои любезности директор, проводя пальцем по расписанию в поисках 10-го «В» класса.

– Насчет компьютеров, будьте спокойны, будут, в конце концов эта инициатива самого Павла Эдуардовича. Сегодня же их там всех пошевелю, – еще раз подбодрила директора Ольга Петровна.

– Огромнейшее вам спасибо, Ольга Петровна, только вы и выручаете, – довольно ответил директор, – У Артема физика сейчас, у Апачи...

– У кого? – изумленно переспросила Ольга Петровна.

– У Тамары Викторовны Храминой, – после неловкой паузы ответил директор, – У учителя физики, нашей легенды, педагога, так сказать, от...

Ольга Петровна вопросительно посмотрела на директора, и не дав ему закончить, спросила:

– А почему, вы назвали ее – Апача?

В воздухе над 10-В классом повисло гробовое молчание.

– Где в нашей повседневной жизни можно ощутить закон сложения скоростей? Кто скажет? – спросила у класса Апача еще более настойчивым тоном.

Класс по-прежнему молчал.

– Что? Никто не знает? – удивленно переспросила Апача, – Хорошо. Кто отвечает, тому сразу ставлю пятерку.

– В четверти? – вырвалось у меня.

Класс засмеялся, а Апача, вместо того, чтобы наказать меня, почему-то неодобрительно посмотрела на Килю.

– Пока только в дневник и журнал, Гогинцев, – сказала учительница, – Ну, Скворцова, давай, отвечай.

– Ощутить закон сложения скоростей можно, например, путешествуя на поезде, когда мимо нас проходит другой состав, – ответила Лера и отвела от лица прядь кудрявых волос, мешавших ей обзору пространства.

– Правильно, молодец, – произнесла Апача.

Апача склонилась над школьным журналом и четким подчерком напротив фамилии Леры вывела аккуратную «пятерку», исправив тем самым полученную на предыдущем уроке «двойку».

– Вот видишь Скворцова, один раз стоит поставить тебе «двойку», и твоя успеваемость сразу идет в гору, сегодня ставлю тебе «петерку», молодец, – сказала Апача, – Гогинцев, а за твою интуицию, сегодня поставлю тебе «тройку», садитесь все.

Я, Лера и Киля отправились по своим местам, а Апача продолжила свой философский монолог.

– Движемся мы или покоимся? А если движемся, то относительно чего?

– Килин, а ты это куда удалился? – удивленно спросила Апача у подошедшего к своей парте Киля, – Я тебе оценку за урок еще не поставила.

– Ну вы же сказали...? – подал голос Киля.

– Что я сказала? – прервала ученика Апача.

– Ну, это, – неуверенно произнес Киля, – Садитесь...

– А двойку ты исправлять собираешься? Килин? – спросила Апача.

– Какую двойку? – удивился Киля.

– Очередную, которую я тебе поставила, за незнание первого закона динамики, а это домашнее задание, между прочим, – сказала Апача, – Бери мел у Азарнова, будем делать из тебя второго Джордано Бруно.

Класс снова засмеялся, и Скворцова Лера тоже, а вошедший в помещение Медведь, по-дружески, похлопал Килю по плечу и протянул ему мел.

Киля посмотрел на класс, на Апачу, на меня, задержался взглядом на Лере, взял в руку мел и спокойно подошел к доске.

– На ленту транспортера, перпендикулярно направлению ее движения, соскальзывают консервные банки. Путь банки, по ленте, – диктовала Апача условие задачи, а Киля стоял за спиной у учителя и совсем ничего не писал на доске, и вдруг:

– А вот так ваш Джордано Бруно, может!!! – заорал на весь класс Киля, бросил в меня мелом, и отпружинив от пола своими белыми кроссовками, ловко запрыгнул на подоконник окна.

Не успели мы опомниться, как Киля уже, оттолкнувшись ногами от подоконника, прыгнул в открытое окно второго этажа нашей поселковой школы.

Над классом повисла тишина. Бледная Апача молча подошла к окну, закрыла его, затем взялась двумя руками за голову и пулей устремилась из класса.

В директорском кабинете, что был на первом этаже школы, царил атмосфера дружбы и немного веселья. Ольга Петровна и Константин Петрович, сидя за столом, громко смеялись, пили чай с бергамотом и немного «Рижским бальзамом». Инспектор пожарной охраны – Павел Егорович, ходил перед ними и, эмоционально жестикулируя руками, рассказывал о подвигах своей профессии:

– Огонь всюду стеной, тут горит, там горит, а мой напарник мне вдруг и говорит, бросила она меня, бросила, женщины глупы, но кроме телеведущей Дарьи Златопольской, а кругом огонь и ..., – произнес Павел Егорович, но не смог довести свою мысль до логического завершения, так как его слушатели с застывшими на лицах масками ужаса бросились к окну, за которым приземлился ученик Киля.

Все школьники, что были в тот момент в классе физики, окружил стол педагога Апачи. Я открыл журнал успеваемости, лежащий у учителя на столе.

– Где список, быстрее список! – крикнул я на весь класс.

– Не ори, – сказала Лиза, – Аронова, ставь «четверку», на прошлую неделю ставь.

Я перевернул лист школьного журнала и не менее четким подчерком, каким обычно выводила нам «двойки» Апача, нарисовал положительную оценку.

– Килин, – продолжила Лиза.

– Тут я знаю, – сказал я, и вывел после каждой «двойки», полученной Килей, по «пятерке», закинув еще парочку «отлично» и на другие листы журнала.

– Скворцова, – сказала Лиза, – Лера, тебе ставить еще одну «пятерку»?

Лера ничего не ответила, она стояла у окна обдуваемая весенним ветром и куда-то отрешенно смотрела.

– Скворцова! Так ставить или нет? – повторил вопрос уже я, и посмотрел на Леру.

– Нет, не надо, я уже исправила «двойку», – сказала Лера, отошла от окна и направилась к выходу из класса.

4. ОПЕРАЦИЯ «ТОТАЛИЗАТОР»

Все было как всегда. В длинных крашенных коридорах школы шумели первоклассники, а за кирпичным углом спортзала, с кое-где отбитой на стенах штукатуркой, по обыкновению, старшеклассники дымили сигаретами «Winston».

Сложившуюся гармонию привычных будней, нарушила завуч Зарецкая, вдруг, вспомнившая о переоборудовании компьютерного класса, которое началось еще в прошлом учебном году, и которое, так и не было доведено до победного финала.

– Класс информатики совершенно пустой, – сказала Зарецкая, гордо встав в полный рост во время очередного педсовета, – Старые ламповые компьютеры, согласно предписанию выше, по санитарным соображениям, мы демонтировали, а новых, до сих пор нет.

Зарецкая подняла указательный палец правой руки вверх и пристально посмотрела на директора школы Константина Петровича, который восседал перед собравшимися во главе стола, в своем раритетном кожаном кресле с облезлыми подлокотниками. Директор, в свою очередь, не менее пристально посмотрел на завуча Зарецкую, а затем, задумчиво перевел свой взор в сторону окна. За окном природа откликнулась на ход мыслей Константина Петровича и сентябрьский ветер, своим порывом, моментально сорвал остатки желтой листвы с крохотной осинки, притаившейся чуть в стороне от размашистых зарослей дикорастущих кленов школьного двора.

Возникшую в разговоре паузу заполнила завуч Зарецкая:

– Педагог Зоя Семеновна жалуется на невозможность проводить уроки по информатике, – сказала Зарецкая, – По этому важному и нужному для ребят предмету. После выпуска, наши школьники просто не смогут на вступительных экзаменах конкурировать с городскими. Вы это понимаете? Константин Петрович?

Константин Петрович, сохраняя спокойствие, встал со своего директорского кресла, медленно заложил руки за спину, задумчиво подошел к окну кабинета.

В воздухе снова повисла пауза. После возникшей минуты молчания, Константин Петрович развернулся лицом к педсовету, и лично к завучу Зарецкой, и спокойно произнес:

– Все деньги, предназначавшееся на переоборудования кабинета информатики, ушли на покупку фасадной акриловой краски, а эта штука, совсем не дешевая, смею вас заверить.

– И что вы предлагаете? – ехидно спросила Зарецкая.

К такому абордажу, Константин Петрович теперь уже явно был готов. Он отошел от окна, сел в кресло и еще более спокойным тоном произнес:

– Будем проводить уроки информатики без использования персональных компьютеров.

– Как вы себе это представляете? – возмутилась Зарецкая.

– Зоя Семеновна сильный педагог, – произнес Константин Петрович, – Пусть ученики пишут алгоритмы программ на листках, затем сдают их учителю на проверку. Педагог будет проверять работы и ставить соответствующие оценки. Вот и все.

Зое Семеновне роль суперкомпьютера пришлось явно не по вкусу. Даже в советское время, она пользовалась перфокарточной техникой, и поэтому теперь, на рубеже нового тысячелетия, по интеллигентному робко, учительница решила протестовать.

Во время первого урока информатики, когда согласно программе обучения, мы должны были знакомиться с устройством персонального ЭВМ, класс дружно отправился к единственному существующему в школе компьютеру, который находился в директорском кабинете.

В тот раз, Константин Петрович послушно впустил нас в свои апартаменты, но из такого внезапного визита, он все же сделал соответствующий вывод, и уже второй наш урок информатики потерпел полное фиаско. Зоя Семеновна, как и в первый раз привела весь наш класс

к директору, но его кабинет банально оказался закрыт на ключ, а самого Константина Петровича в тот момент просто не было на рабочем месте.

– Он уехал в центр по административным вопросам, – сообщила информацию, Зоя Семеновна, худосочная секретарша директора, нанося тоненькой кисточкой черный лак на один из длинных ногтей своей левой руки.

Зоя Семеновна не сдавалась, и на следующем уроке информатики мы снова навестили директорский кабинет.

– Уехал на семинар по вопросам образования, – спокойно ответила секретарша, в этот раз уже докрашивая ноготь на среднем пальце правой руки.

Каждый урок информатики, Зоя Семеновна предпринимала все новые и новые попытки проникновения к директорскому компьютеру, которые терпели крах одна за другой. Кабинет оставался неприступным бастионом, а сам директор все время находился в разъездах и всевозможных общественных нагрузках. Постепенно учительский энтузиазм сошел на нет, а для нас, сельских учеников, словосочетание «персональный компьютер» превратилось во что-то далекое и неизведанное, как полет Гагарина в космос в 1961 году.

Нет, конечно, мы знали, что где-то есть такой американский гражданин Бил Гейтс, который покорила мир со своим «Windows», знали, что началась эпоха интернета, но это все было где-то там, далеко, а мы были где-то здесь, на окраине родины, в приграничной полосе, среди камышовых зарослей залива, кустов низкорослого боярышника и нескольких километров до железнодорожной станции с надписью «1317 километр».

Обычно, во время школьных контрольных по информатике, я всегда решал сразу два варианта задания, один для себя, другой для Медведя. Но в этот раз, я справился лишь наполовину.

Результаты контрольной не заставили себя долго ждать. Зоя Семеновна проверяла работы мгновенно. Она брала в руки одну из контрольных, лежащих на учительском столе в стопке перед ней, бросала свой острый взгляд на алгоритм программы, изображенной на одинарном листке в клеточку, затем на фамилию ученика, и громогласно озвучивала оценку.

Когда дело дошло до труда Медведя, весь тот урок, мирно рисовавшего на своем одинарном листке в клеточку расплывчатого паука, знак электро-панк группы «THE PRODIGI», то Зоя Семеновна покрутила его контрольную в воздухе и спросила:

– Это вообще что?

Медведь, предчувствуя беду, вжался в парту.

– Это что? Я тебя спрашиваю! – на этот раз Зоя Семеновна обращалась уже не вообще к классу, а конкретно к Медведю.

– Это мозг Медведя, – глупо пошутил с последней парты Киля.

Класс взорвался смехом, а некоторые ученики даже стали дразнить Медведя и показывать на него пальцем. Реакция на слова Киля не заставила себя долго ждать. Своей длинной ручищей, прямо за соседнюю парту, Медведь, без особого труда, отвесил говорливому однокласснику звонкую оплеуху.

Киля вскочил из-за парты и бесстрашно набросился на обидчика, я встал между воюющими и уже через минуту, все мы дружно были выставлены в коридор строгой учительницей информатики.

В коридоре, Киля, прислонившись спиной к крашеной до середины в зеленый цвет стене, произнес :

– Вот ты нервный, – сказал Киля Медведю.

– За языком своим следи, – насупившись ответил Медведь.

– Заверни клюв, тормоз, – огрызнулся Киля.

Подобная тирада продолжалась еще минуты три, до того момента, когда Медведь рванул к Киле, с все той же целью, наказать обидчика. Киля не растерялся, он отскочил от стены, рас-

кинул руки в стороны, подобно крыльям аиста, и начал изображать кумира нашего общего детства, героя боевиков – Брюса Ли. Мне ничего не оставалось, как снова превратиться в рефери и встать между друзьями.

– Вы запарили! Хватит уже! – попытался притормозить я обоих товарищей.

– Я спокоен, задачи по информатике решать умею, – съязвил Киля.

– Что ты там умеешь, – обиженно ответил Медведь, – Умеет он, сопли распускать, малахольный.

После этих слов, уже Киля набросился на Медведя. Медведь хотел контратаковать оппонента ударом ноги, но Киля тут же обратился в бегство, и сразу врезался в завуча Зарецкую, мирно шагавшую в тот момент по коридору. Зарецкая из стойки на ногах, перешла в партер, лежащее положение, и уже через минуту, наша общая судьба сделала еще один логичный поворот, в результате которого, я, Киля и Медведь, очутились в кабинете у директора.

Константин Петрович, стоя у окна, молча выслушал рассказ о случившемся, по обыкновению заложил руки за спину, посмотрел на дикорастущие клены в школьном дворе и о чем-то серьезно задумался. Поскрипывая на расшатанных стульях, в ожидании решения своей судьбы, мы виновато склонили головы и принялись разгадывать замысловатое переплетения рисунка на красном синтетическом ковре директорского кабинета.

Наконец, Константин Петрович вернулся в себя и с философской ноткой в голосе бойко произнес:

– Драка возле вазона с фикусом – это не способ разрешения конфликтов. Правоту своей точки зрения нужно доказывать на уроке, знаниями, а не кулаками. Идите, и чтобы больше такого не повторялось.

Не отрывая своих взглядов от узорчатого директорского ковра, и скрипнув на прощанье стульями, мы покорно вышли из кабинета, и еще минут пять молча брели по коридору. Я шел по центру, Медведь справа, а Киля чуть-чуть отставал от нас слева.

– А ведь директор прав, – вдруг произнес я.

Медведь и Киля удивленно посмотрели на меня.

– В чем же? – переспросили друзья.

– В способе разрешения конфликта, – ответил я.

– Поясни??? – сказали они в один голос.

– Идея состоит вот в чем. Во время следующей контрольной по информатике, вы оба, складываете в общий котел обеденные деньги, и, совершенно естественно, тот, кто решает свой вариант первым, и максимально правильно, получает все, как моральную, так и финансовую победу, а проигравший – соответственно. Я же являюсь гарантом спора и хранителем финансового фонда, и получаю, скажем, десять процентов от суммы выигрыша, – закончил я.

Киля искоса посмотрел на меня и произнес:

– Денег мало, – сказал Киля.

– Боишься проиграть, – обратился к нему Медведь.

– Не сколько, просто предлагаю усовершенствовать идею и разрешить делать ставки на наше состязание всем ученикам класса.

Киля развел бурную деятельность. Сначала ставки пошли с последних парт, затем подтянулись и средние, первые парты остались безучастными к мероприятию, кроме отличника Мамочкина. Вопреки общей тенденции он вдруг решил сделать двойную ставку на Медведя, на что троюбница Лаврентьева Лиза, активно симпатизировавшая Киле, ядовито заметила:

– Медведь не решит эту контрольную, даже если от этого будет зависеть его жизнь, – сказала Лиза и сделала ставку в десять рублей на Килю.

Время шло, состязание было назначено на конец недели. Никогда еще «10-В» класс так не ждал урока информатики. Кроме Медведя, при виде в моей тетрадке рейтинга ставок, он с каждым днем все больше и больше печалился. Класс явно отказывался верить в умственные

способности парня. В среду, я даже заметил, как мой друг – Медведь, прятался в школьной библиотеке за цветастым задачником по информатике, предпринимая тщетные попытки подготовки к поединку. Что-то не ладное творилось в душе у спортсмена.

К намеченной дате все ставки были сделаны и соревнование началось.

– Сначала буду решать твой «вариант», а затем свой и все, победа у тебя в кармане, – подмигнул я Медведю, когда мы расселись за парты.

– Я сам буду, – вдруг неожиданно для меня произнес Медведь.

– Медведь, не тормози, – сказал я, – Мы же обо всем договорились.

– Я сам буду, я не тупой, – категорично ответил мне Медведь.

– Да не кто и не говорит, что ты тупой, просто... это... – пытался я реабилитироваться, но Медведь даже не посмотрел в мою сторону.

Зоя Семеновна начала диктовать условия задачи:

– Создать файл, содержащий информацию о лошадях ипподрома. Каждая запись содержит поля: кличка, возраст, жокей, количество побед и количество поражений, – произнесла Зоя Семеновна.

Я еще раз вопросительно посмотрел на друга, в надежде, что тот одумается, но Медведь сделал вид, что меня не замечает, и с серьезным лицом продолжил записывать условия задачи. Киля, напротив, ощутив мой растерянный взгляд на себе, подмигнул в ответ.

– Написать программу, – диктовала условия задачи Зоя Семеновна, – Выдающую следующую информацию: рейтинг побед, рейтинг поражений, возраст всех лошадей и самый результативный жокей.

Контрольная как началась, так и закончилась, и отличник Мамочкин, сидящий за первой партой перед учительским столом, по указанию педагога, отправился собирать наши работы.

– Все написал? – недовольно спросил я у Медведя.

Медведь пожал плечами и виновато отвернулся в сторону. Перед ним лежал беспощадно исписанный лист с задачей, которая так и не была решена.

Зоя Семеновна собрала работы и сразу же начала их проверять. Добравшись до листка Киля, она сказала:

– Килин. Ну тут все ясно. Артем, в следующий раз условия задачи три раза подряд можешь не переписывать. Одного достаточно. Двойка Килин.

Весь класс посмотрел на Килю, но тот, в ответ только развел руками.

– Гогинцев, – произнесла Зоя Семеновна, взяв в руки мою работу, – Вижу, что писал, вижу, что не успел, не до конца Гогинцев, не до конца. Оценки у меня как известно только две. Какую будем ставить, а Гогинцев?

Я молчал, а учительница продолжила говорить:

– Информатика суровая и точная наука...

Зоя Семеновна заглянула в следующую работу, принадлежавшую Медведю, и внимательно с ней ознакомилась, затем опять обратилась к моей.

– Двойка Гогинцев, в следующий раз будешь успевать, – констатировала учительница, – А вот Азарнов молодец!!! Все правильно, твердая пятерка, можешь если хочешь Коля, можешь.

Медведь вопросительно посмотрел на меня, в ответ я только пожал плечами. В этот раз я, как и всегда решал два варианта контрольной, за себя, и за друга, которые и сдал на проверку, только вариант Медведя был в этот раз решён первым, ставки были слишком высоки, а свою задачу я так и не успел довести до конца.

Киля тоже пренебрег правилами игры и поставил на Медведя, через подставного ученика Мамочкина, который также, получил свою долю. Во всей операции «Тотализатор», ученик Мамочкин был ответственным за ликвидацию из общей стопки контрольных работы Медведя. Впереди нас ждала – общешкольная олимпиада.

5. ПОДВИГ

В полуподвальном помещении, своеобразно переоборудованном под учебный класс, стояли разноцветные парты с наклоном, трехногие стулья с фанерными спинками, стенды, увешанные красными вымпелами «Будь Готов», «Лучшей бригаде ХТЗ от коллектива ВТЗ», и прочей геральдикой, делавшей кабинет «Трактороведения» самым уютным местом нашей поселковой школы.

Домашняя атмосфера этого подземелья, поддерживалась не только атрибутикой ушедших в историю времен, но и самим педагогом, добродушным седым бородачом – Сергеем Сергеевичем, сокращенно «СС» или «SS».

На своих занятиях, СС официально разрешал нам делать все что угодно, кроме шума. Тот, кто нарушал это священное правило, наказывался, он должен был писать конспект про трактор МТЗ-80, или беседовать с педагогом на любые отвлеченные от урока темы. Как и любой русский, Сергей Сергеевич, лучше всех разбирался в политике, футболе и кино. Кроме того, он был неплохо начитан газетами и журналами из школьной библиотеки, что давало ему неисчерпаемый источник тем для разговоров со своими учениками.

Из всего курса предмета «трактороведения», большинство из нас усвоило только основу, самое трудное занятие в жизни – это сидеть на стуле и ничего не делать. Медведь, был единственным из класса, кто, в отличии от остальных учеников, увлеченно пропитывал свой конспект любовью к тракторному делу, старательно вписывая в него предложения из учебника, и дотошно врисовывая туда черно-белые иллюстрации с разрезами двигателей, трансмиссий и коробок передач.

Среди неисчерпаемого количества достоинств ССа, был у него и один недостаток, повредивший в молодые годы его карьере стахановца-тракториста. Сергей Сергеевич пил горькую, пил по-черному, пил запойно, долго и много. Когда-то, еще во времена брежневской оттепели, Сергей Сергеевич внепланово и надолго ушел в один из таких круизов, пропустив тем самым посевную компанию в колхозе, и по возвращению из своего маленького космоса, он попал прямо на «Товарищеский суд» – обязательное мероприятие для провинившихся работников того, уже далекого от нас времени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.